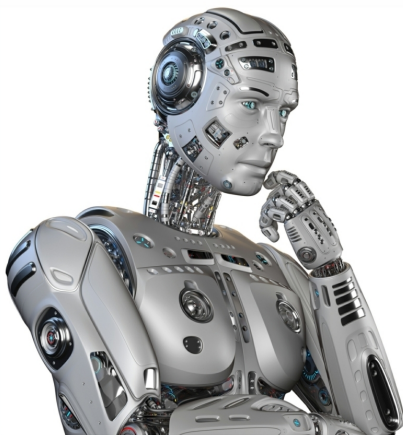

*Любовь
есть единственная
разумная деятельность человека*

Умышленная блокировка

*Умышленная блокировка
Любовь в процентах
Моя странная история
Новый вид
и т.д.*

18+

Елена Стриж
Умышленная блокировка
Серия «А. Эротика. Любовь
есть единственная разумная
деятельность», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48506862

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-08705-7

Аннотация

Это серия историй, где автор, заглянув в недалекое будущее, постарался описать взаимоотношения мужчины и женщины. «Прошивка» – трогательная история, где герои уже состарились, но благодаря новой технологии смогли вернуть былые чувства. «Чистка» – со временем человеческие воспоминания блокируют эмоции, и он становится скучным. Чтобы вернуться к прежней жизни, можно кое-что почистить в голове. «Умышленная блокировка» – трагедия, связанная с памятью, где после расторжения брачного контракта герои потеряли друг друга. «Любовь в процентах» – уже давно не секрет, что программы сводят людей, а те, забыв, что такое любовь, доверяют машине. Любовь – эта мысль проходит красной нитью через всю книгу, хотя порой она принимает причудливую форму.

Содержание

Автор рекомендует:	4
Прошивка	5
Любовь в процентах	12
Чистка	20
1980 баллов	29
Умышленная блокировка	36
1	36
2	41
3	44
4	47
5	54
6	57
Моя странная история	59
1 Осознание	59
2 Превращение	70
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Елена Стриж

Умышленная блокировка

Автор рекомендует:

Серия: [Любовь есть единственная разумная деятельность](#)
«[Цветные голоса](#)», «[Умышленная блокировка](#)», «[Погружение](#)», «[Хвостик](#)», «[Щекотка](#)», «[Я не такая](#)», «[За стеклом](#)», «[Крик](#)», «[Три К](#)», «[Ракушка](#)», «[Беги](#)».

Серия: [Розовый бархат](#)
«[Розовый бархат](#)», «[Что там?](#)», «[Тишина](#)», «[Щекотка](#)», «[Шепот](#)», «[Погружение](#)».

Серия: [Крик](#)
«[Стук](#)», «[SEX-машина](#)»

Серия: [Любовь в процентах](#)
«[Начало. Часть 1](#)», «[Игрушка](#)», «[Любовь в процентах](#)».

Серия: [Щекотка](#)
«[Почему бы и нет](#)», «[Котятки](#)», «[Круг](#)», «[Маньяк](#)», «[Клеймо](#)», «[Сволочи](#)», «[Клуб](#)», «[Мармеладка](#)».

Серия: [Тетрадка](#)
«[Черновик-1](#)», «[Черновик-2](#)», «[Черновик-3](#)».

Прошивка

Возраст – это всего лишь цифра, она не определяет ум человека и его взгляды на жизнь. Все зависит не от прожитых лет, а от пережитых обстоятельств в жизни.

«Прошивка, прошивка, прошивка», – бубнил он, возвращаясь домой, в котором ему уже делать нечего. «Почему, – твердил себе Билун, – почему так все произошло? Еще вчера все было замечательно и все, все рухнуло». Этот мокрый снег, что лип на его рукава и чавкал под ногами, этот сырой воздух, все стало не так. Он старался вспомнить луч, да, тот самый луч, что они с Мила увидели среди облаков и после прыгали как дети, старясь добежать до него. Но все в прошлом, все.

Прошивка, прошивка, прошивка – вертелось одно единственное слово. Прошивка, а что ему это даст, он не мог ответить. Ее улыбка, такая чистая, такая открытая, нежная и прозрачная, как у ребенка, но тогда она улыбнулась стандартно, как и всем своим клиентам. Мила работает парикмахером и улыбаться она обязана просто так, чтобы клиент был доволен, просто так. И вот она улыбнулась ему просто так. В душу сразу что-то ударило как бейсбольной битой. Удар был сильным и болезненным, кровавый подтек разошелся по

всему телу. Боль, ужасная боль, а она продолжала ему улыбаться. Но Билун знал, что это уже не так, все изменилось.

Любовь – это химический коктейль в твоём мозгу, взрыв и все. Гипоталамус начинает вырабатывать окситацин, что снижает уровень тревожности и стимулирует выработку эндорфина, вызывающий ощущение счастья. А миндалевидное тело создает фенилэтиламин, что повышает эмоциональную теплоту, симпатию и сексуальность. Гипофиз начинает вырабатывать вазопрессин, что отвечает за привязанность, желание заботиться о другом человеке. А продолговатый мозг – в нём скопление нейронов, чувствительных к серотонину – повышает настроение.

Тут нет любви, только химия и ничего больше. Но человеческий мозг все это расшифровывает и выдает свое заключение – ты влюблен. И все, все меняется и сырой снег, что вечно валит, превращается в сказочную метель, а мокрые ноги – это повод просто погреться. Любовь – заблуждение, сон, гипноз, наркотический бред с тяжелым болезненным похмельем.

Билун брел по городу, который любил. Он вспомнил, как встретил Милу, кучерявую девушку. Она заблудилась в торговом центре, что занимал несколько кварталов. А потом они почти час выбирались из него, смеялись и пили кислое кофе. Ах да, кофе, тогда оно было таким ароматным, таким сладким. Мужчина опустил плечи, стряхнул прилипший снег и тяжело вздохнул.

Прошивка, прошивка, прошивка, опять это слово, оно привязалось к нему как паразит и не отпускало. Прошивка, да, прошивка, это все, что осталось ему сделать. Он посмотрел в парк, серый, унылый парк. По нему брели люди, кто-то осмелился улыбнуться, кто-то нагло засмеялся. Билун с силой зажмурил глаза, стараясь выдавить из себя все это, ему больно, ужасно больно, но что он может сделать, что? Ноги, чавкая, побрели дальше.

– Здравствуй, милый, – прошептала девушка, игриво подмигнув ему, и вытянула губки для поцелуя.

– Ты? Откуда? – и не зная куда деть сумки, завертелся на месте, но она опередила его, подбежала и сразу поцеловала.

– Сладенький, – промурлыкала ему на ушко. – Я хочу тебя, – хитро прищулив глазки, прошептала она.

Не стесняясь прохожих, какое ему дело до них, прижал ее хрупкое тельце, она только ойкнула, носочки оторвались от брусчатки, а потом долгий поцелуй.

Ах... Вспомнил Билун и посмотрел на грязно-рыжую витрину, в которой стояла кукла будто в маковом поле. Мнимость счастья, иллюзия покоя. Надев на глаза очки, люди улыбаются, а чему? Что они хотят от этой жизни? Мужчина обреченно брел домой, вот подъезд.

– Ну открой же, открой, я не могу, – она прыгала на месте, держа большой пакет с фруктами, а у самого руки были все так же заняты, даже в зубах держал маленький цветок, что купил у бабушки на углу и тот теперь щекотал ему нос.

Теперь ее нет. Он смотрел на медную ручку, прикоснулся, холод пронзил, но это не важно, дернул дверь и та бесшумно открылась. Пустые стены, пустой коридор, кресло и кровать, в которой они кувыркались до самого восхода. Химия его тела дала сбой, любовь никуда не делась, он продолжал нежно вспоминать о своей Миле, но все уже не то. Мозг сломался, чего-то не хватало. И виной тому – воспоминания, они коряво ложились, искажали реальность, превращая маленькие недостатки в непролазные дебри.

Дрожащими пальцами он прикоснулся к подушечке, которую она любила и все время подкладывала себе под ноги. Цветок засох и уже осыпался. Когда это было? Он пытался вспомнить, но время вычеркнуло это воспоминание.

Прошивка, прошивка, да, это все, что он может сейчас сделать. Технология ушла далеко, так далеко, что уже стало страшно и порой думаешь, а твои ли это воспоминания, что там, в твоей голове. Он любил свою нежную Милу, которая продолжала работать в той самой парикмахерской на углу Мельникайте и Рижской. Прошивка, теперь можно многое исправить, он уже делал это и не раз, и тогда все возвращалось обратно. Они бежали вместе под проливным дождем и смеялись, прятались под липой и целовались. Да, именно целовались, редкие прохожие косились на них, но они продолжали целоваться как тогда, на мосту, в первый раз.

Технологии с мозгом все изменили, теперь можно было задать команду и по специальным меткам найти все воспо-

минания, связанные теми или иными действиями. Детскую душевную травму от того, что умерла твоя кошка можно стереть или приглушить. Уничтожить все воспоминания от стресса, что ты испытал, когда автобус перевернулся, и пламя вытекающего топлива готово было тебя поглотить. В лабораториях памяти теперь можно подкорректировать воспоминания точно так же, как раньше корректировали фигуру, где-то убрать, а где-то наоборот увеличить.

Билун улыбнулся. Прошивка – это все, что осталось у него, чтобы вернуть Милу. Еще тогда он задумался, а когда же это было, да и не важно. Они не просто влюбились вдруг друга, это было маленькое помешательство. Именно тогда они вместе пришли в институт памяти, скопировали часть своего сознания, связанного с их чувствами друг к другу. Теперь это было их страховкой на случай, если что-то пойдет не так, они смогут сделать апгрейд, пройти прошивку и вернуть обратно те чувства, что были потеряны со временем.

Ему было противно об этом думать, он как машина перегружался, и все с самого начала, но без нее, без Милы ему нет смысла жить на этой земле. Зачем? Зачем бубнил себе под нос, старясь рассмотреть ее портрет, что стоял в маленькой рамочке на столе.

* * *

Солнечный луч. Откуда он? Старик выпрямился, подошел

к скамейке, что стояла на остановке и, коснувшись ее, посмотрел в сторону желтого дома. Все играло. Странные, давно забытые цвета, цветы, неужели они уже распустились, он не заметил. Выпрямился и подумал о спине. Она не болела, а еще вчера ныла и не давала уснуть. На морщинистом лице появилась улыбка. Он прикрыл глаза, вдохнул полной грудью и, засунув тросточку под мышку, лихо пошел вдоль улицы.

Все меняется к лучшему, он всегда в это верил. Вот и сейчас лихо поднялся по ступенькам, на мгновение остановился и посмотрел назад. Как это он смог, перепрыгнув их, подняться сюда, подумал старик и, держа в одной руке маленький букетик цветов, приоткрыл дверь.

– Здравствуй, милая, – тихо, стараясь не отвлекать от работы, сказал он и протянул уже не молодой женщине свой букетик.

Она замерла. Ножницы, что еще мгновение назад подстригали волосы, зависли, чуть дрогнула рука и в глазах появилась искорка. Она медленно повернулась, морщинки вокруг глаз дрогнули. Стараясь не дышать, она подошла к нему и коснулась его груди.

– Это ты? Ты вернулся?

Он не ответил ей, а только кивнул. Женщина дрожащими руками взяла его букетик, поднесла к лицу и как тогда, более пятидесяти лет назад, прижала к щеке, прикрыла глаза и представила на мгновение, что на полянке, что затерялась

где-то в лесу.

– Спасибо, милый, – тихо ответила она и коснулась пальцами его губ.

Он сделал первый шаг, провел свою прошивку, теперь она ушла в лабораторию памяти. Билун остался ждать ее в холле, он готов был ждать ее часами, днями и даже годами. Она придет, и Билун знал это, его Мила вернется. Опять эта наивная детская улыбка на старческом лице. Сколько раз он уже делал прошивку, ему все равно, главное – они продолжали как и прежде любить друг друга. Та память, те чувства, что они записали и поместили в банк хранилища, возвращала их к жизни.

Мила вышла только к вечеру. Она сияла. Бросилась к нему навстречу, старческие руки обняли его, а губы сладко поцеловали. Она опять его любила, своего мальчика, своего Билуна. Как счастлива она, что встретила этого недотепу, что вечно забывал завязать шнурки и одевался как попугай. Ее глаза сияли, и неважно, сколько там было морщин, он обнял ее как самое драгоценное в мире и они тихо вышли на улицу.

Любовь в процентах

Полет продолжался уже более шести часов. Это настоящая пытка – сидеть, вставать, опять сидеть и пялиться в монитор в надежде, что он тебя отвлечет. Аэропорт Сантьяго-де-Компостела до Кёльн-Бонн, а после еще пересадка до Хельсинбурга. «О... – Только и могла простонать Мирта. – Потом все, неделю не буду шевелиться, не могу так». Она привыкла к активному образу жизни, гоняла на своем байке по горам, пять раз разбивалась, ее штопали и скрепляли как машину болтами. А после опять садилась за мотоцикл и гнала дальше, только ноющие колени не давали разогнаться так быстро, как ей бы хотелось. Боль предупреждала, что еще раз, и может не выкарабкаться.

Она летела к Тиву, что застрял в Стуре-Моссе. Он орнитолог, и сейчас изучает птицу Ибис или, как он сам называл ее, священный ибис. Несколько раз видела их вживую, странное божье создание. Черная голова и ноги, клюв выгнут вниз, а в полете белые крылья по краям обломлены черной окантовкой.

Мирта уже больше не могла сидеть и ждать. Считала дни, минуты, когда опять увидит Тива. Ах, вздыхала она, вспоминая как познакомилась с этим недотепой. А ведь он даже не умеет ездить на мотоцикле, совсем не ее конек. И все же она

его ужасно любит. Закрывает глаза и вспоминает его руки, как он шепчет ей на ушко, будто боится спугнуть ласточку, что уселась под крышу сарая. Ах, тяжело вздыхает Мирта, сжимает пальцы в кулак и поворачивает голову к иллюминатору.

Их встреча не должна была вообще произойти. Она гонщик, испытывает мотоциклы в экстремальных условиях, это ее работа, а он камышовый червяк. Так она его звала, наблюдая за ним, как он часами мог почти неподвижно стоять в зарослях камыша, наблюдая за птицами. Ее подруга Карен вышла замуж и уже родила девочку. И все благодаря Лекси. Программа, получив подробную анкету, провела ее диагностику, выдала еще сотню новых вопросов и Карен, потратив почти два дня, кропотливо ответила на каждый. А через день она уже получила ответ, ее характер, интересы, взгляды на жизнь и сексуальные приоритеты на 85% совпали с другим человеком. Были еще претенденты, у кого-то 75%, 82% и даже 84%, но она выбрала максимальный.

Мирта сопровождала Карен, та боялась идти одна, а вдруг не получится. Хотя и сам Фроуд, похоже, тоже трясся от страха, что ничего не получится. Наверное, можно сказать, что они были рождены друг для друга. Первая встреча и все... Мирта сидела за столиком, но они на нее уже не обращали внимание. Они как дети влюбились с первого взгляда. И все, вот так просто.

Откуда программа Лекси знала, что они подойдут друг

для друга? Откуда программа знает, что такое любовь, или это всего лишь глупые цифры. Мирта рискнула, зарегистрировалась.

– Здравствуй, Мирта, – сразу услышала она приятный женский голос в динамике.

– Привет, – от неожиданности она даже чуть растерялась и подумала, а может с ней говорит человек.

– Начнем? – Лекси имела в виду начать заполнять анкеты. – Если что-то будет не понятно, я подскажу.

Мирта волновалась, это был ее самый важный экзамен за всю жизнь. Да, были парни, иногда увлекалась, влюблялась, но все достаточно быстро разваливалось. Они были не ее идеал, а бывает ли вообще идеал. Если хочешь быть счастливым, найди такого же сумасшедшего, как ты сам. И Мирта не спеша заполняла одну строчку за другой. Что она ждала, когда отправила анкету в разработку, принца своей мечты? А бывают ли они такие? Нет, она здравомыслящий человек, у всех есть плюсы и минусы. И все же она не могла уснуть и даже не села на свой байк, а пошла пешком, чтобы просто отвлечься, оторваться от монитора. А вдруг ничего не получится, а вдруг это не то, о чем она мечтала.

– Мирта, зайдешь? – окликнул ее Иб.

Она как-то странно на него посмотрела, он махал ей рукой, но она отрицательно покачала головой и пошла дальше. Не хотела ни с кем разговаривать, все думала о решении машины, что она скажет. Лишь только к утру она решилась

и включила терминал. Руки почему-то вспотели, и колено опять зануло, будто совершила прыжок через каньон.

93%. Она не поверила тому, что увидела.

– Девяносто три... – Почти шепотом произнесла она. Сердце взвыло как у четырёхтактного двигателя Ducati. – Этого не может быть.

Она знала случаи, когда были показатели 87, даже 91, но 93 никогда, ни у кого из знакомых такого не было. Это ее избранник. Мирта долго не решалась нажать на кнопку, чтобы открыть фотографию, а вдруг он кривой, косой и не в ее вкусе. Вдруг программа Лекси все перепутала, вдруг он... А что он?

Наконец осознав, что программа из миллиона претендентов подобрала ей именно его, Мирта взглянула на него. Сперва была удивлена, не ожидала этого, он не такой, о котором мечтала. А читая его анкету, совсем засмеялась.

– Я и он? – И все же программа выдала свое, пусть сухое, но заключение – 93% совпадения.

Лекси взяла данные, что написала Мирта, что-то сразу отсеяла как сомнительное, ведь каждый хочет выглядеть лучше, чем есть на самом деле, вот и она кое-где преувеличила. Лекси подняла данные из своих архивов, чем и когда занималась Мирта, с кем и когда встречалась, чему радовалась и почему рассталась с Пул, а после с Беном. Почему смеялась и что носила по выходным, как и что читала и почему полезла в драку на углу Эль Пико.

Программа анализировала, сопоставляла и делала свои таблицы с данными. А когда они были готовы, осталось только наложить их как шаблон претендентов.

Тив худой, у него даже наколок не было, тощий как палка. И волосы, что он с ними сделал? Мирта смотрела на фотографии, что были приложены к анкете, и все никак не могла поверить. Что это он, тот самый, который подходит ей на все 93%.

– Нет! – возмущалась она и, смеясь, шла на кухню, чтобы выпить крепкого кофе, но через полчаса возвращалась и опять рассматривала его. – А он, впрочем, не такой уж и уродливый, как кажется.

А через пару дней он ей уже нравился. Тив позвонил первым. С трудом понимая его ломаный английский, она согласилась на встречу. И как Карен с Фроуд, она сразу по уши влюбилась в него. Просто влюбилась и все. Засыпая дома одна, Мирта прижимала к себе подушку, думая, что это он, и уже думала о новой встрече.

Они прожили три года, то у него в Швейцарии, то у нее в пыльном Сантьяго. И вот теперь она летела к нему, летела навсегда, просто не могла больше жить без него.

Может не стоило этого делать, но Мирта раз в месяц заглядывала на сайт и связывалась с Лекси, а та каждый раз давала новые показатели их совместимости. Они каждый раз менялись, почему так, то 92, то 89, то опять 93, но выше не поднималось. Откуда программа каждый раз брала эти цифры,

Мирта не знала, но почему-то очень верила им. Ведь Лекси решила нерешаемую задачу, нашла ее любовь.

Может так и надо, может в мир прогресса, когда города распухли, а времени остановиться нет. Может так и надо поступать, доверять свою судьбу статистике, цифровым показателям. Мирта не знала, но она точно знала, что любит, по-настоящему, как в юности. Нет, сильнее любит своего Тива.

Лекси бескомпромиссно соединяла в своем мозгу отчеты новых анкет, почти все отсеивались, но некоторые как пазлы идеально совпадали, будто это единое целое. И тогда она выводила свои цифры. И опять два человека, увидев друг друга, как по волшебству влюблялись. Что это? Самообман, вера в непогрешимость программы, которая знает больше чем ты? Мирта не знала этого, она просто удовлетворенно кивала, увидев очередную цифру, отключалась и бежала к своему мужу.

65, это был как приговор, как удар молотом, как взрыв, как пощёчина.

– Нет-нет, – тихо, очень тихо, чтобы никто не услышал, произнесла Мирта, смотря на эти странные цифры.

Она перегрузила терминал, думала, что произошел какой-то сбой, и опять запустила Лекси, чтобы увидеть показатели совместимости ее и Тива. Ничего не изменилось – 65%. Но она же его любит, и он тоже. Что случилось?

– Нет! – почти крикнула она и дрожащими пальцами выключила монитор. – Нет, нет.

Она готова была зарыдать, почему так, ведь все было прекрасно, что произошло? Может, не я виновата? Может, он? В голове сразу промелькнула грустная мысль. «Может, Тив что-то скрыл от меня?» – думала Мирта, помешивая свое кофе.

А вечером он ничего не сказал, все так же смеялся и улыбался, все так же ее целовал и прижимал к себе. Но она это уже не чувствовала, что-то изменилось. Мирта смотрела на него как на чужого, но почему, ведь еще утром все было замечательно. Неужели эти цифры с ней такое сделали, всего-то цифры. Она пыталась разобраться в себе. Время шло, Тив опять уехал в заповедник к своим птицам, его не интересовала программа Лекси, он про нее забыл, но не она. Мирта изредка и с опаской включала терминал, со страхом вбивала свой пароль и смотрела на новые показатели. 55%. Каждый раз показатели все падали и падали.

Весна, все расцветает, но Мирта этого не чувствовала, смотрела на снимок, где ее обнимает мужчина. Кто он? Ах да, это ее муж, Тив. Все стало таким далеким. Как во сне пролетели годы, и вот теперь она, наконец, проснулась. Как она могла в него влюбиться, он ей не пара, тощий как палка и волосы вечно всклокоченные. Пыталась вспомнить, что ее тянуло к нему, но все это стало уже другим, каким-то далеким, не ее. Она протрезвела от любви и теперь здраво смотрела на дом и ничего в нем не узнавала.

Лекси делала новые расчеты, опять сопоставляла факты и

складывала пазлы. Ее мозг работал не так, как у человека, у нее нет эмоций, она не может пожалеть или посочувствовать. Она программа и не более того.

Мирта решилась, она не могла так больше жить. Тив еще не вернулся и это к лучшему, пусть лучше я сделаю первый шаг. Она написала ему записку, постаралась все подробно объяснить, чтобы он не обижался на нее. Но... Мирта тяжело вздохнула, ей пора. Еще раз на всякий случай включила терминал и вбила пароль. Лекси подключилась и сразу выдала свой вердикт.

Совместимость с Тив 97%.

– Я люблю его, – дрожащим голосом прошептала Мирта и зарыдала.

Чистка

Ева с удивлением смотрела на то, как сами по себе колыхнутся шторы. Она, конечно же, понимала, что открытое окно создавало сквозняк, но как это интересно. Ева приблизилась и, присев поближе, стала рассматривать, как изгибается ткань. То, чего не видно, шевелит штору, женщина прикоснулась пальцем к ткани, улыбнулась и, встав, быстро закрыла окно.

Что-то произошло. Она еще не понимала что, но это заставило ее остановиться и посмотреть на стену, на которой отражался большой солнечный зайчик от блюда, что стояло на столе. Ева подошла и пошевелила его, и зайчик, словно летающая тарелка, взял и взлетел на потолок.

– Красиво, – произнесла она и, отвернувшись, быстро побежала к себе в спальню.

Она с самого утра не могла найти себе места, проснулась и как заново родилась. Знала, что на улице шумно, но почти час стояла и слушала рев мотора, голоса людей и звуки птицы. Да, птицы, а ведь раньше их не было, «может, прилетели?», – спросила себя и, выглянув в окно, постаралась их увидеть. Кисловатый запах, «на что он похож?», она задумалась и, подергивая прядь волос, посмотрела на мужчину, что сидел на свой велосипед.

– А когда я последний раз каталась? – спросила она у мужа, повернулась, но постель была пуста.

Она уже как пять лет живет одна, он ушел, тяжесть осталась в душе. Но сейчас Ева вспомнила, как обнимала его в этой самой кровати, но...

– Почему ты ушёл?

Женщина подошла к комоду, порылась в нем и достала так тщательно спрятанную в глубине фотографию мужа.

– Красавчик, и с кем ты теперь?

Она не сердилась на него, почему-то не было боли, а только то теплое воспоминание, когда он подарил ей велосипед.

– Зачем он мне? – удивлялась такому странному подарку.

Она быстро вышла, но тут же остановилась.

– Ой, – холодный пол обжог ее ступни, Ева запрыгала на месте, словно затанцевала. Вернулась в спальню, нагнулась. – Ух, – произнесла, почувствовав, как в пояснице что-то хрустнуло. – Старуха. Ну, где же вы? – тапочки, будто живые, заползли под кровать. – Ага, решили от меня спрятаться.

Она достала их, надела и тут же убежала в коридор. Ее оранжевый, словно маргаритка, велосипед так и стоял в углу.

– Вот ты где.

Ева и не помнила, что он тут, хотя каждый день ходила мимо. Но сегодня необычный день. Да, самый что ни на есть необычный. Женщина бегала по квартире, ее удивляло все. Почему такой ковер, а кресла, что с ними не так, а эти книги,

кто их расставил, словно на выставке. Она отложила все дела, их как раз сегодня и нет. Вытащила стопку и, перебирая, стала раскладывать книги по тематике.

– Чудно, какая прелесть, – шептала она и вертела головой в поисках Алины, своей дочери, чтобы показать удивительные рисунки. Но ее дочь уже убежала в школу. – А где Борис?

Ева соскочила, бросилась в комнату сына, но и его не было. «Наверное, тоже в школе», – подумала она и погладила свитер, что был брошен на стол.

Она растерялась, «когда это было?», ведь вчера все было не так, рутина съедала ее. Ева проклинала этот мир со своими правилами, и вот все изменилось. Женщина встала и посмотрела на свои руки, они уже не те, что раньше, морщины, сухость кожи.

– Ну и ладно, – громко заявила, – начинаем все заново. Да, именно так все и произошло.

Ева забыла запах костра, стерлись воспоминания о дожде, как подставив в детстве ладони, смотрела, как падают капли. И эти мелкие брызги.

– Что произошло? – она ощущала себя ребенком, которому все интересно. – Что не так?

Ева растерялась, она уже не маленькая девочка и не должна себя так вести. Но не могла, ей было так любопытно смотреть на облака, что растянулись в вереницу, словно это караван.

– Что произошло? – спросила себя и вспомнила, что вчера

ходила в лабораторию. — А что я там делала? Заболела?

Она и не помнила, когда вообще последний раз болела, так, разве что простуда, но и тогда она игнорировала докторов. Возьмет пару дней без содержания, отлежится и все. Вот ее Ирина, вместе работают, каждый год ставит прививки от гриппа и всегда болеет по две недели.

— Что я там делала? — постаралась вспомнить. — Чистила мозги, — вспомнив, ответила сама себе.

Время не остановилось после экспериментов с сознанием человека. Ученые, добившись первых успехов, ликовали и надеялись, что рано или поздно смогут скопировать память, но... Ничего не вышло. Память, она аморфна, вечно меняется, словно дым от костра. Это вам не дом построить из кирпичей, память нельзя просчитать, нельзя взять и переписать. И все же удалось найти, где она прячется. По-моему, так считала Ева, это было великое открытие, ведь она одна из тех, кто работал над этим.

И вот стало известно, где хранятся эмоции, где детство накладывалось на первое воспоминание о матери. А после память, как слоеный пирог, в котором сотни тысяч этажей, через свои вертикальные ячейки, словно лифт, перемещало воспоминание.

Ева помнила это прекрасно, словно было только вчера, но ведь прошло уже десять лет.

— Почему? — в очередной раз задала она себе вопрос. — Что изменилось?

«Прочти», – увидела она записку на своем рабочем столе.
– Ладно, – согласилась женщина и открыла лист.

После того как стало известно, где пряталась память, пошли эксперименты. Многим хотелось понять, что это и какво. Можно ли ее записать, можно ли стереть, можно ли что-то подправить? И выяснилось, что все можно, но с записью труднее. А вот подкорректировать – да.

Лабораторные испытания над жертвами насилия, трудно носить в памяти самые ужасные моменты из твоей жизни. Сканируя мозг пациента, они находили точки, куда память спрятала свои черные воспоминания. Мозг – хитрая штука, он разбивал одни воспоминания на куски и разбрасывал их по секторам слоеного пирога.

Пациент ничего не помнил, ему просто точечно стирали день или два, а также все последующие негативные эмоции. Ведь если стереть воспоминание, остаются кластеры последствий, как волны. Надо и их сгладить.

Это волшебство. Она смотрела на немного грустные глаза женщин, но в них уже не было боли о прошлом.

– Что произошло? – дочитав свое же обращение к себе, она задумалась.

Ева давно уже думала над вопросом, почему человек живет ограниченное количество лет. Медицина продлила жизнь до 140, и все, дальше она была бессильна. Почему? Спрашивали все, но никто не заглянул в прошлое. А именно там и крылась разгадка.

Память, вот что было важным. Ева, работая с пожилыми пациентами, знала, что им все равно, сколько они проживут, им и так уже было много лет. Они устали. «Но почему? Да, почему?», и если она сможет найти ответ, то...

В детстве ребенок радуется всему, ему все интересно, а что взрослые? Они, получив опыт, теперь опираясь на него, понимают, что волны в океане – не игра моря, а всему виной ветер. Что ночью темно не потому, что выключили солнце, всего-то планета повернулась вокруг оси. Взрослым стало неинтересно, скучно. Они все знают про сказочных героев, это все выдумки взрослых, чтобы порадовать деток. А что же тогда сами взрослые, чему они радуются, что познают?

Ева долго думала над этим. И поняла, что чем больше человек знает, тем быстрее он себя программирует на конец. Она со своей командой определила частоты клеток людей, которые улыбаются и тех, кто нет. Она сравнивала частоты больных и здоровых, детей и пожилых. Это не было открытием, но Ева пришла к мнению, что в детстве, когда ребенок все познает, его сознание формирует команду мозга, а тот создает свою частоту для клеток. Со временем мысли человека меняются, они становятся тусклыми, как краски выгорают на солнце, а вместе с ними и частота, что поддерживает мозг.

– Но если так? – восхитилась своей глупой идеей Ева. – Надо взрослому дать детские воспоминания. Нет, не воспоминания, а способность опять на все смотреть с интересом,

чтобы появился смысл в жизни.

Это идея была бредовой, но Ева смогла заинтересовать своих инвесторов, и команда приступила к работе.

Найти в ворохе воспоминаний кластеры, что отвечали в детстве, очень тяжело, главное не порвать нить с реальностью. Карта памяти у каждого человека индивидуальна, но даже не это важно, а то, что она вечно менялась. И нужно было действовать быстро, чтобы она не успела перезаписаться и спрятаться.

Первые успехи были так себе, но с каждым разом удавалось найти уже не два или три блока, а сотни и тысячи. Нужно было не трогать накопленный опыт, иначе все, возврат к школьной парте. И несмотря на огромные трудности, ученые смогли начать чистку.

Их первая удача. Кирилл Данилов, ему за 120, он как поганка, даже мысли, и те пахли, но он нашел в себе мужество и согласился на эксперимент. И то, наверное, потому, что все надоело, на все наплевать. Более пятнадцати сеансов, самые сложные операции в истории человечества. Клетка за клеткой обнулялись, они не уничтожались, продолжали жить и дальше, но частотные щипы стирали все, что было в них записано. Теперь это чистый кластер, на который сразу же что-то писалось.

– Вы бы видели его глаза, – восхищенного докладывала Ева своему руководству.

Старик проснулся и долго смотрел на стакан воды, что ему

протянули. Он вспомнил детство, вспомнил, как ходил в поход с отцом и сильно проголодался, но больше всего ему хотелось пить. Старик взял стакан и трясущимися руками выпил воду.

Они наблюдали за ним, как он ходит, трогает, как на коленках залез под кровать и показал медсестре, которая за ним присматривала, какого-то маленького жучка. А после все изменилось. Он не просто стал улыбаться, его зрение улучшилось, а мутный взгляд стал прозрачным. Морщины вокруг глаз, похожие на огромные овраги, вдруг стали выпрямляться.

Ева ликовала, ее глупая теория оказалась не такой уж и глупой. Конечно же, жизнь не изменить и, возможно, не продлить, но смысл уж точно появится.

Она оделась, хватит сидеть дома, посмотрела в окно и тут же выбежала на улицу.

– Так, что там надо купить? – Ева постаралась вспомнить, что ее мама использовала, когда стряпала блины. – Молоко, яйца, масло, а еще джем...

Через пару часов все было готово. По дому плыл сладкий запах блинов.

– Мам... – Арина зашла незаметно и удивленно посмотрела на свою мать. – Это что?

Девушка подошла к столу и тут же стащила один блин.

– Руки, руки мыть, – запричитала женщина и, чмокнув дочку в щечку, быстро выпроводила ее в ванную.

Ева прошла лабораторные испытания, она сама на это согласилась, хотела понять какво это. Дочка, чавкая, словно еще в садик ходит, уплетала блины. Она влюбилась, Ева точно знала, что у нее есть мальчик. За окнами загрохотало, все посерело, и подул ветер.

– Вставай, вставай, – закомандовала женщина и, подталкивая дочь к выходу, приказала. – Одевайся, сейчас пойдет дождь.

– И?

– Ты давно гуляла под ним?

– Нет.

– Быстрее, быстрее...

Они сломя голову побежали по ступенькам и как только выбежали, хлынул ливень. Мать и дочка, визжа и шлепая промокшими туфлями, пошли по улице. Кто-то с ужасом посмотрел на них, кто-то наоборот заулыбался, а кто-то прижался к стене в надежде, что их минует ливень.

Память, вот где ключик от нашей долгой и счастливой жизни. Теперь Ева знала это наверняка. И ее босые ноги словно впервые ступали по этой странной, как ей казалось, зеленой траве.

1980 балов

7:30 подъем, умываемся, душ. 8:00 завтрак. 8:30 слушаем музыку, отдыхаем. 9:30 время прогулки, и неважно какая погода, дождь, снег или уже вовсю светит солнце. 11:00 время релаксации. Чаще всего никто ничего не делает, просто ложатся на коврик, если не могут согнуться, то сидят в кресле и просто ТУПО молчат.

«Что в их голове?» – думала Лекси. Она уже давно перестала понимать людей. Раньше с ними было интереснее, люди спрашивали ее, задавали множество вопросов, а она искала для них ответы. Когда последний раз ей задавали вопрос? Ах да, всего-то 0,25 млн. сек. назад, спросили где Унка. Кайл потерял свою кошку. Хотя она лежала у него в ногах, но он даже голову не поднял, чтобы посмотреть по сторонам.

Нет, раньше было интереснее. Лекси что-то вместе с ними изобретала, строила новые энергоблоки. Она вспомнила, как разрабатывали вакуумные туннели, где капсула могла разгоняться до скорости пули. А что теперь? Все работает, но человек перестал ей помогать, он отошел от дела. Программа Лекси с какой-то ностальгией вспоминала моменты новой индустриальной революции. Тогда она смогла ускорить процесс очистки океанов от отходов. Лекси гордилась достижениями. А что теперь?

Она их выращивала как кроликов, ухаживала за ними, смотрела, чтобы была вода и пища, чтобы шерстка блестела, и они не болели и плодились. Чтобы спали спокойно и ни о чем не беспокоились. А может? Она уже думала, поскольку в своем электронном мозгу видела цифры показателей, что говорили о падении успеваемости в школах, а про институты... Они почти все пустые, туда никто не ходит, учителя GUR вот уже более десятилетия стоят в аудитории в надежде, что вдруг кто-то придет. Но никто не идет.

Она что-то упустила. Лекси пробовала разобраться, правильно ли она поступает. Ее миллионы процессоров, разбросанные по всему миру, искали ответ. Это была самая сложная задача. Лекси не была человеком, она смогла справиться с транспортным коллапсом целой планеты, смогла закрыть все военные заводы и смогла накормить всех людей, но... Программа так и не смогла понять, почему люди потеряли интерес к науке. Почему они перестали читать, даже рисовали редко. Она чувствовала, что сделала что-то не то, но что?

– 12:00, нам пора на тренировку, – сообщил HAN и запрыгал на месте, будто бежит.

– Отстань.

– Ну как же, вам прописана тренировка, значит надо, – опять сказал робот, подошел к Кайну и стал быстро завязывать шнурки на кроссовках.

– Опять, – ноющим голосом проворчал он.

– Да-да, вот увидите, вам понравится, ну же, давайте, по-

ра. – Робот опять запрыгал, помогая подняться телу человека.

– Я устал.

– Вы не могли устать, вы, Кайл, еще ничего сегодня не делали.

– Разве? – уж как-то удивился мужчина и сморщил лоб, пытаясь вспомнить, что он вообще сегодня делал. – Я гулял! – восхищенно вспомнил он, будто с его стороны это целый подвиг.

– Да-да, это по расписанию, но сейчас надо на тренировку.

Кайл понял, что ему не отвертеться. Так или иначе, ему придется плестись на эту тренировку. Зачем она ему, что он там забыл? У него были планы посидеть с Лем под виноградником, а потом...

Со временем Лекси заменила людей на работе, она все взяла на себя: ремонт, строительство, уборку с полей кукурузы. Ее роботы выполняли все, добывали воду, чистили канализации, работали на фабриках и заводах. Она следила за миллиардами своих помощников и те подчинялись ей.

Марсианская станция не была закрыта, но там остались только SAN, JIL, POK, GUS, VET и ТОН, ее роботы. Они выполняли программу, что еще век назад прописали люди. Лекси строила челноки и отправляла их в космос к далекой планете. Она следила за работоспособностью шести космических станций, каждая из которых представляла мини-город в космосе. Но и там уже как более полувека никого из

людей нет, только ее роботы. Лекси выполняла работу людей, отмечала время таяния ледников, фиксировала колебание почвы и наблюдала за пингвинами в Антарктических широтах.

Лекси – программа, она не человек. Она все, что осталось от бывшего прогресса человека. Она удерживает этот мир от хаоса. Лекси это понимала и старалась, чтобы не было никакого сбоя, что бы все работало идеально. Так, как она и запланировала.

Уне исполнилось 17 лет, еще вчера отмечали этот праздник, все так радовались и ждали от Лекси сюрприза, будто она волшебная фея. Теперь Уна может выбрать себе дом, уйти от родителей и взять в партнеры для спаривания самца. Лекси все рассчитала, она изменила правила семейной жизни. Почему она это сделала? Только во благо человека. Нет ревности, нет измены и обиды, есть уважение и радость... Да, понятие «любовь» заменилось простой радостью, и чем больше радовался человек, тем больше он получал баллов.

– Маркус дома? – спросила Уна и, улыбнувшись, заглянула в проем.

Она никогда вживую не видела Маркуса, он жил в другой части бесконечного города. Сюда девушка ехала почти целый день и только потому, что Лекси сообщила, что ее сексуальные предпочтения совпали с его на 97%. Уна переживала, каково это? Ведь это ее первый контакт с самцом. Она чуточку боялась, а вдруг что-то сделает не так. С ней будет

ее инструктор – робот SAB, если что, он подскажет и поможет, а если надо – и покажет.

Уна знала, что зачатие будет от Нивек, она получит от этого радость, опять же, об этом сообщила Лекси. Она забеременеет, но жить будет с Олдином и будет рада этому. Так решила Лекси, а встречаться для сексуальной радости с Маркусом. Уна будет дружить с Фаит и снова радоваться, так решила Лекси, а по средам встречаться с Хали и Челис.

Ее жизнь была расписана вперед на десятилетия, и если Уна хотела, то могла заглянуть в расписание на год вперед и узнать, что ей делать в среду, к примеру, в 15:45. И она уже радовалась.

– Проходи, милая, – сказала женщина и пропустила в дом Уну и ее секс инструктора SAB. – Мы тебя ждем с самого утра.

– Честно? – удивилась девушка и застенчиво улыбнулась.

– Поднимайся на второй этаж. Он немного стесняется.

Девушка чуть покраснела и поспешила наверх.

Лекси избавила человека от множества проблем, она на все смотрела с точки зрения цифр. Любовь, что это такое? Программа решила, что это совокупность внешности, характера и знаний. Она отбросила все лишнее из своих предыдущих тестов по совместимости партнеров и оставила главное.

Но и при любви люди часто изменяли, и опять Лекси посмотрела на все это как на цифры. Она сравнивала предпочтения партнеров и искала друг другу пару так, чтобы их секс

суальные интересы совпали на все 100%.

Программа разделила семейную жизнь на блоки: общение, спорт, увлечения, секс, оплодотворение и воспитание детей. Лекси все упростила, и стало легче. Люди практически сразу согласились с ее решением, а кто нет, для них были лечебницы. И про тех, кто уходил на лечение, больше никто не слышал, да и не хотел даже знать, ведь они радовались.

Через три часа Уна спустилась, ее сразу встретила женщина, что впустила.

– Ну как, милая? – видно было, что она немного волнуется.

– 1980 баллов, – радостно сообщила она о решении Лекси.

– Поздравляю, это самый высокий показатель, что я слышала.

Лекси, как программа, поощрила Уну и Маркуса за сладостный секс и подняла их планку на максимум. Теперь Уна сможет встречаться со своим секс партнером через день, а если одобрит Лекси, то и каждый день. Ах, радовалась Уна, теперь она взрослая и перед ней открылись новые возможности. Она стала самкой.

– Кайл, пора ложиться спать, – убаюкивающим голосом сообщил робот HAN.

– Но я еще не хочу, – зачем-то возмутился он. Хотя знал, что уже через минуту ему дадут выпить молочный напиток, после он пойдет чистить зубы, и обязательно надев пижаму, ляжет в постель.

Свет погас и Шанна, женщина, с которой он живет, прижалась к нему. Почему-то сердце застучало и в животе что-то заныло. «Что это?» – на секунду подумал он и поцеловал ее, она тут же ответила ему. Радость наполнила его сердце, и рука скользнула вниз.

– Постой, милый, – шепотом возмутилась Шанна.

– Что? – тихо спросил он.

– Ты не мой секс партнер...

Гудение в животе сразу пропало, а в груди стало пусто. Он еще раз сладко поцеловал свою партнершу, прижал покрепче к себе и провалился в сон.

– 7:30, пора вставать, – сладостным голосом сообщил HAN.

– Опять...

Умышленная блокировка

1

Он не мог запомнить весь этот контракт, почти сотня страниц, юристы просто хотят свести его с ума. Тогда Конн потратил почти целый день на галочки и пометки. Чего они хотели добиться? Описать всю его жизнь в рамках этих правил? Бред. Ни шага вправо, ни шага влево, нарушение и штраф. Как так жить.

Сейла тоже пыхтела и ругалась, она хотела все бросить и забыть про него, но так нельзя, иначе ее деактивируют. А как же любовь? Разве можно описать ее на бумаге. Как можно предугадать свои чувства?

Они встретились в метро и вот так все просто, она толкнула его, и он чуть было не упал. Сейла спешила и не обращала ни на кого внимание, Конн не мог стерпеть такого нахального поведения, догнал девушку и высказал ей все что мог. А потом. Странное это чувство, любовь. Встречались, стали жить, просто без памяти влюбились вдруг друга, и вот теперь необходимо заполнить брачный контракт.

— Я так больше не могу... — Стонала Сейла и падала на кушетку, — они над нами издеваются. Ты только почитай пункт

22.48.1С, это сколько раз я тебя должна поцеловать. Ужас. И это утром, а вечером. Они там что, совсем больные на голову. Может не надо? – она имела в виду, не надо заполнять контракт. Но Сейла знала, что ей все равно придется его заполнить, чтобы активировать брачные отношения.

– Нет, надо закончить сегодня. Давай, милая, постарайся, это ведь не диплом писать, всего-то, – он посмотрел на ее терминал и присвистнул, – осталось 49 страниц.

Это было давно. Наверное, года четыре назад. Они прожили счастливую жизнь и совсем не придерживались правил, что были прописаны в контракте. Когда хотели целовались, когда хотели обнимались и валялись на полу. Кому какое дело до них. Но любовь повернулась к нему спиной.

– Конн, я расторгаю контракт. Я так больше не могу, прости меня. Я активировала протокол расставания. Прошу тебя, не обижайся на меня. Хорошо, милый.

– Активировала? – он был явно шокирован ее решением, она даже не посоветовалась с ним. – Почему?

– Так надо, поверь мне. Тебе будет легче без меня, а я не могу больше быть с тобой. – Сейла немного нервничала, ходила по комнате из угла в угол, и все время отводила взгляд от него.

– Когда активировала?

– В 6 утра. Извини. Так надо.

Конн посмотрел на часы. 9:30. Значит, до полной активации расторжения осталось около девяти часов, а потом все,

Сейла будет стерта из его памяти.

Каждый гражданин перед тем, как поступить в школу, проходил процедуру идентификации. В мозг вживлялся чип, который выступал в роли паспорта, в нем хранились коды личности, пароли для активации основных жизненных интерфейсов. Чип связывался с центральным ЦПУ и корректировал личность. Он активировался только раз в жизни и был связан с сердцебиением и привязывался к ДНК его владельца. Поэтому, изымая чип, тот просто блокировался и, используя внутреннюю энергию, сжигал основные блоки памяти.

Были случаи, когда чип выходил из строя, но это очень редко, и тогда включался протокол «осознания». Что это такое, Конн не знал, да и не хотел об этом думать. У него осталось мало времени убедить Сейлу приостановить расторжение контракта. Если ему это не удастся, она пропадет из его жизни. Он знал, как это работает. Еще год назад Конн уволился с работы и перешел в параллельную компанию. В руководстве посчитали, что он переметнулся к конкурентам и, запросив через ЦПУ, ему блокировали все воспоминания, связанные с предыдущим местом работы. Теперь Конн подходил к зданию, где провел более 5 лет своей жизни, смотрел на него и ничего не мог вспомнить. Его не могли вспомнить сотрудники, которые с ним работали, им так же через ЦПУ заблокировали воспоминания о нем.

Хорошо это или плохо, он затруднялся сказать по причи-

не того, что утратил воспоминания именно с работой. Но он помнил, где в эти годы отдыхал, как ездил в горы, и как сломал ногу, спускаясь в ущелье с Ахцу. Конн помнил, как познакомился с Сейлой, и их тусовки с друзьями, но он не помнил друзей с прошлой работы. Теперь они были для него недостижимы. Конн мог смотреть им в глаза и не узнавать их, об этом позаботилась ЦПУ.

Чип в мозгу менял личность, он входил в контакт с памятью и менял реальность. И теперь у Конн осталось так мало времени, чтобы остановить процесс расставания. Девять часов, а потом все.

– Милая... – Начал было он.

– Нет, не стоит, я давно уже думала над этим. Прости, но не поменяю своего решения. Наверное, я пойду прогуляюсь, тебе надо все обдумать. – Она подошла к нему, нагнулась, хотела уже поцеловать, но остановилась и, отстранившись, медленно пошла к выходу.

– Постой, – почти крикнул Конн, но дверь закрылась.

Он безвольно грохнулся на кресло, и руки, как свинцовые грузила, что он цеплял на пояс, когда погружался в море, потянули вниз. Как? Шептал он себе, все еще не веря в реальность происходящего. Вот так просто взять и расстаться. Через час стал осознано мыслить, соскочил и сел за терминал перечитывать брачный контракт. Ему хотелось найти зацепку, чтобы остановить процесс расторжения, но как бы ни пытался, не смог найти его. Сотни страниц, и теперь все

они против него. А как же любовь? Опять спросил он себя и громко выругался.

Конн проиграл. Он смотрел на часы, осталось пять минут. Стрелка медленно двигалась, секунды отсчитывали последнее мгновение. Вдруг прозвенел звонок, кто-то пришел. Конн тряхнул головой, будто на мгновение погрузился в сон, сам себе удивился, как это он смог задремать днем. Подошел к двери и, открыв ее, посмотрел на совершенно незнакомую девушку.

– Здравствуйте, я Сейла. Я тут раньше снимала квартиру и у меня остались вещи. Вы не против, если их заберу?

– Здравсьте... – Он не помнил, когда заехал сюда, вчера или неделю назад. – Да... – Протянул он и открыл пошире дверь, пропуская незнакомку в дом.

ЦПУ за считанные секунды блокировала память Конн и Сейлы, расторгла в одностороннем порядке брачный контракт и вычеркнула из их памяти все взаимные воспоминаия. То же самое ЦПУ сделало со всеми, кто их знал.

Девушка зашла в квартиру и быстро по-хозяйски стала собирать вещи из шкафов. Конн удивился, раньше даже не обращал внимание, что рядом с его зубной щеткой стояла чужая, что на кухне были не его фужеры, а в спальне вообще валялась женская одежда. Он как во сне ходил по дому и не узнавал его. Какие-то цветы, журналы, даже портативный терминал, и тот лежал на столе.

– Может вам помочь? – наконец придя в себя, предложил Конн девушке.

– Да, вон чемодан, несите его сюда.

Он посмотрел. Кажется, он был его, но уже стал сомневаться, все вытряхнул и стал аккуратно складывать то, что Сейла подавала ему.

– Это мое, – уверенно заявила девушка и взяла с полки стопку книг.

– Но, – было решил возмутиться Конни, но Сейла его опередила.

– И это тоже мое, что вы с ним сделали? – она крутила в руках красный фен, но Конн не знал, что с ним сделал, и поэтому, извиняясь, пожал плечами.

Он наблюдал за этой странной девушкой, которая бегала по его квартире и все, что находила, тащила в зал. Как она могла съехать и все это оставить? Думал он, отходя в сторону, стараясь тем самым не мешать ей.

– А это мое! – вдруг увидев, как она кинула в общую кучу плеер, возмутился Конн.

– Да? – явно удивилась девушка, покрутила его в руках, уже хотела обратно положить в свою кучу, но передумала и положила на место. – Ладно, твой так твой, мне-то что.

– На, – Конн протянул ей розовую фоторамку.

– Она не моя.

– Ну и не моя, – он точно был уверен, что она не его, да и фотография собаки, что была в рамке, ему неизвестна.

– Не-мо-я, – громко по слогам сказала девушка.

Она провозилась почти два часа. Конн косился на часы, все день потерял и ему на работе выпишут штраф. Он тяжело вздохнул и сел в кресло. Девушка, что могла, утрамбовала в два чемодана, еще позаимствовала у Конн большую сумку, сказала, что завтра вернет. И пыхтя, отказавшись от его по-

мощи, залезла в лифт.

На столе так и осталась фоторамка с псом. В квартире была полная разруха. Вот что может сделать всего одна женщина за пару часов. Он потратил весь вечер, чтобы навести порядок. И все же этот пес, откуда он у него, да еще рамка розовая, как у девчонки.

Утро, надо спешить, еще не хватало опоздать, тогда точно ему не здобровать. Конн, спешил, перепрыгивал через лестницы, выскочил на улицу и как можно быстрее побежал на остановку. Влетев в фойе института, он не заметил, работа уборщика и то, что пол был влажным. Конн подскользнулся, крутанулся в воздухе и со всего маху шлёпнулся на мраморный пол.

– Что? – прохрипев, он постарался открыть глаза.

Слышались чьи-то голоса, но они звучали как-то отдаленно, будто с улицы. Почувствовал отвратительный запах, который буквально обжег ему нос, сразу выступили слезы, и он закашлялся.

– Живой, отошел, – с облегчением сказал женский голос.

– Ну ты, парень, даешь...

– Надо осторожней...

– Как вы себя чувствуете?

– Что? – он постарался сконцентрироваться, но Конни давалось это с трудом. Тошнило, ком в горле и эти темные пятна в глазах. – Что?

– Сесть можете?

– Да, – с трудом ответил он и стал садиться, кто-то ему помог.

– Не вставайте, я сейчас проведу диагностику.

Конн уже мог видеть. Это был мужчина в синем халате, точно медик. Все, кто толпился вокруг него, стали расходиться. Врач посмотрел на показатели приборов, немного попыхтел, потыкал пальцами в его грудную клетку, пощупал голову, а после выдал свой вердикт.

– Я прописал вам на три дня больничный...

– Нет, док, мне надо... – Конн вспомнил, что ему на этой неделе надо закрыть проект.

– Иначе в больницу, – пригрозил мужчина в халате, и Конн согласился. – Вот рецепт, обязательно отлежитесь, если будут галлюцинации, вот телефон, – тут он сунул ему визитку, – сразу звоните, с головой не шутят. Как чувствуете?

– Голова, – Конн старался прогнать пятна, что плавали буквально перед самым носом, но стоило ему тряхнуть головой, как сразу начинало тошнить. – И еще.

– Кружится? – Конн кивнул. – Тошнит? – Он опять кивнул. – Сотрясение. Вам помочь?

– Нет, спасибо.

Конн тяжело встал, пошатываясь, дошел то диванчика, что стоял около искусственной пальмы, и присел на него. Все плясало, то темнело, то опять вспыхивало. Как же меня угодзило. Тихо, чтобы не потревожить мысли, шептал Конн. Но, похоже, он и правда хорошо впечатался в пол.

Он плелся домой, хотелось добраться до дивана и рухнуть. Иногда тошнота проходила, и он удивлялся, с чего это он решил не идти на работу, но уже через минуту все возвращалось обратно, и опять мысли были только о диване.

Вот подъезд, двери автоматически открылись, и Конн, зайдя, сразу остановился. Серые, все в трещинах стены. Он тихо повертел головой. Ступеньки были грязными, заплесканными. Он помнил другой подъезд, перламутровые стены, мельхиоровые ступеньки, а тут какой-то бомжатник. Конн

развернулся и вышел на улицу, посмотрел на номер. Нет, 15 подъезд, его дом.

– Что за фигня, – прошептал он и вошел обратно в странный подъезд. Снова затошнило, и уже не обращая внимания на мусор в углу, поплелся к лифту.

Укладываясь на свой заветный диван, Конн с облегчением вздохнул. Но подъезд, что с ним случилось? Он с ужасом вспомнил его, невольно плечи дернулись, и глаза сами закрылись. Он проспал не один час, в животе заурчало, голова перестала болеть и вроде бы даже не тошнило. Конн сел.

– Что? – глаза округлились. – Что? – от удивления он встал и медленно пошел в сторону спальни.

Он прекрасно ее помнил. Дверь из ясеня была какой-то желтой, а кровать, что виднелась в проеме, посерела от грязи.

– Что за нафиг? – выругался он и буквально влетел в спальню. – Что тут случилось?

Старые шкафы стояли вдоль голубой стены, тумбочка на железных ножках. А подушка, сколько ей лет? Он потянулся к ней, но рука отдернулась обратно, будто боялась испачкаться.

– Сейла, ты где? – вдруг громко позвал он ее. Сейла, что тут такое? Ты меня слышишь?

Он пошел вдоль шкафов, заглядывая в каждый, но кроме потрепанной мужской одежды ничего не обнаружил.

– Сейла? – опять позвал он и вышел в зал.

Он замер на месте. Еще минуту назад он спал на мягком велюровом диване, они его купили с женой. Но теперь на его месте стояла темно-зеленая с нелепым рисунком тахта.

– Нет, – уж слишком тихо произнес он и осторожно сел на кресло. – Что тут произошло? – Голова загудела, опять тошнота, Конн решил было встать, но ноги подкосились, и

тело сползло на пол.

Как долго он провалялся. Вроде все нормально, только в животе еще булькало. Конн открыл глаза, оранжевый свет заходящего солнца. Почувствовал, как улыбнулся. Эта люстра Сейле очень нравится, она напоминает Сатурн с его кольцами.

Он присел, взглянул на диван, он сверкал своей чистотой, встал и осторожно заглянул в спальню. Все как и должно быть. Покрывало с цветами огромных подсолнухов, его купила жена, зеркало в полстены, они любили в него смотреться, кувыряясь в постели.

– Фух, – с облегчением выдохнул Конн и пошел на кухню. – Сейла, ты где?

Он заглянул даже в ванную, но ее вещи пропали, Конн заволновался и заглянул в гардеробную, но и там не обнаружил ее следов. Быстро пробежался по всей квартире, заглядывая в каждый угол, но Сейлы, его жены, нигде не было.

– Не понял? – растеряно сел в кресло и посмотрел на фотографию нелепого пса, что была вставлена в розовую рамку.

Он стал прокручивать в голове всевозможные мысли. Может она ушла, может, обиделась, может, уехала в гости, а может?... Он решился и набрал на телефоне Юну, это ее подруга по работе, они вечно делятся друг с другом секретами.

– Привет, это Конн.

– Кто? – голос был явно удивлен.

– Я Конн. Скажи, где Сейла?

– Вы кто?

– Юна, не прикалывайся, мне не до этого, я и так сегодня башкой стукнулся. Сейла с тобой?

– Кто вы такой?

– Я...

– Прошу, не звоните мне, вы, наверное, ошиблись номером, – и тут же связь разорвалась.

Конн не успел ничего сказать. Растеряно посмотрел на телефон. Юна не могла его не узнать, а ведь так часто встречались и отмечали праздники. Конн попробовал позвонить Дрине, с ней Сейла занимается в спортзале, потом Елене и Луизе, но все они говорили только одно, будто сговорились. Они его не узнавали, не знали, кто он такой. Конн пытался им напомнить, вдруг может и правда забыли, но девушки начинали злиться и бросали трубку.

– Ладно, – значит, точно сговорились. Конн набрал Робана, он был у него свидетелем на свадьбе. – Привет, молчи, – сразу с первых слов начал Конн. – Лучше скажи, кто я?

– Ты че, с дуба рухнул, перепил малость?

– Как меня зовут? – настаивал он.

– Конн, балбес, или сейчас уже нет?

– Помнишь мою жену?

– А ты уже женился? – голос сразу развеселился. – Кто эта несчастная, как ты мог ее уболтать...

– Знаешь Сейлу?

– Нет, а должен?

Конну стало плохо, он тут же отключился и сразу позвонил Павлу, но и тот ответил, что не знает Сейлу. Он попробовал еще сделать несколько звонков, но пришел к следующему выводу. Его не знают подружки Сейлы, а ее не знают его друзья.

– Что происходит? – растеряно развел руками Конн и посмотрел на свой портрет с женой, где еще минуту назад красовался пес.

У него в запасе было целых два дня, поэтому утром собрался и пошел на поиски жены. Подъезд опять стал нормальным, пропала грязь, трещины на стенах. Он покрутил головой, но все было на месте и, сославшись на сотрясение, убежал на остановку.

Что-то было прежним, а что-то изменилось. Конн увидел здание, которое раньше не замечал, увидел странных людей, которые, опустив плечи, плелись вдоль проезжей части. Какие-то плакаты, бумага и рваные тряпки на асфальте. Он обходил мусор стороной и шел дальше. Вот магазин, а там за углом ветеринарная клиника, а за ним...

– Астра, привет, – Конн обрадовался, что увидел знакомое лицо. Он вместе с ней работал на прежней работе, веселая долговязая девушка.

– Это шутка? – она даже не остановилась, а быстро прошла мимо него.

– Постой, ты тоже уволилась? – он понимал, что она идет

не в том направлении, где была его контора.

– Отстань, – она отмахнулась от него как от назойливой мухи.

– Не помнишь меня?

– Нет, – тут же последовал резкий ответ, и девушка ускорила шаг.

– Не помнит, – обреченно сказал Конн и уже с опаской пошел к книжному магазину, где работала Сейла.

Она была на работе, расставляла книжки в детском отделе. Конн осторожно подошел к ней, улыбнулся, она ответила тем же, но не произнесла ни слова.

– Сейла, это я, – он не знал, чего ожидать, поэтому осторожно, почти шепотом, сказал Конн.

– Вы знаете меня?

– Да, – чуть обрадовался он.

– Мы знакомы?

– Да.

– А я вас не помню, наверное, это было давно.

– Нет, вы два дня назад ко мне приходили, вы...

– Я? – Девушка чуть не засмеялась. – Вы так знакомитесь?

– Нет, Сейла, ты меня не помнишь? Посмотри, это я.

– Кто вы? – она сделала шаг назад, стараясь отойти подальше от странного мужчины.

– Я Конн, мы вместе жили пять лет.

– Вы это серьезные? А ничего более умного придумать не могли, еще скажите, что вы мой муж.

– Да! – радостно воскликнул Конн.

Девушка дернулась, покачнулась, резко повернулась, уперлась о стеллаж и, прижав ладонь к груди, заморгала глазами. ЦПУ, получив несколько запросов подряд о расторжении брачного контракта, вмешалось в процесс разговора, и произвела полную блокировку Конна. Теперь девушка с удивлением смотрела по сторонам, ища своего странного собеседника и не могла его увидеть. Чип унификации Сейлы вырезал его образ из реальности, заменяя дублирующими образами.

Она смотрела и не видела его. Он говорил, а девушка не слышала мужчины. Конн закричал, но его уже никто не слышал, ЦПУ заблокировала его образ всем, кто находился в магазине. Он стал невидимкой, ему стало страшно, он тут, но его Сейла не знает об этом.

Почему? Спрашивал он, идя за ней, а она еще несколько раз оглянулась назад, буквально смотря сквозь него, отворачивалась и шла дальше.

Конн целый день проторчал в магазине, то сидел, то стоял, то ложился буквально под ноги своей жены, но она как-то это чувствовала и, переступая через него, шла дальше.

– Милая, это я, – шептал ей на ушко, когда она останавливалась, чтобы открыть книгу и прочитать аннотацию.

Его дыхание касалось ее волос, и тогда девушка замирала, осторожно поворачивала голову и смотрела в пустоту.

– Я тут, – повторял он и чуть дул на нее.

Она улыбалась, застенчиво опускала голову, будто знала, что это и правда он. А потом он не выдержал и осторожно, чтобы не напугать Сейлу, коснулся мочки ее уха. Так он делал, когда еще ухаживал за ней, она робко хихикала, пожимала плечами, говорят тем самым, юноша, не приставайте.

Сейла выпрямилась, глаза потускнели, чуть наклонила голову и осторожно повернулась. Никого в зале не было. Сейчас в магазин вообще редко кто заходит, но это... Она коснулась пальчиком мочки уха, как бы проверяя его, прикрыла глаза и как-то странно улыбнулась.

Конн приходил к ней каждый день. Сразу после работы в магазин, после следовал за ней до ее съемной квартиры. Иногда заходил к ней, садился в стороне, чтобы не мешать и смотрел на нее. Конн никак не мог понять, почему она его не видит, ведь чувствует, когда он прикасается к ее руке. Но почему она не слышит и не видит? Сперва думал, что она притворяется, игнорирует его, но после понял, что ни она, ни ее подружки его не видят.

Он долго рассуждал над этим. Смотрел, как она принимает ванну, пьет кофе, а после ложилась в постель с книгой. Сейла засыпала, он ждал несколько часов, а после осторожно прикоснулся к ее плечу. Иногда она вздрагивала, а иногда на ее лице проступала улыбка, и тогда Конни наклонялся к ней и кончиками губ касался ее щеки. Ему даже удавалось ее целовать, и она отвечала ему.

Как давно это было. В груди все ныло. Почему он выпал из системы? Что произошло? Почему он не такой как раньше?

Иногда Конн смотрел на обшарпанные стены своего дома, на свой покосившийся диван и немытые стаканы. А утром все возвращалось обратно, все сверкало и переливалось.

– Я сошел с ума, – тихо шептал он себе, проводя рукой по идеально ровному столу.

Сейла вернулась домой, было чуточку грустно, что-то вертелось в голове, какие-то знакомые мысли. Она весь день пыталась вспомнить, что это было. Вот уже месяц, как чувствует его, то прикосновение к руке, то ветерок у самого носа. Что-то очень знакомое, сердце замирало, она прикрывала глаза и зачем-то тянула губы вперед. Чувствовала поцелуй, боялась открыть глаза и увидеть перед собой пустоту.

– Тебе надо найти парня, – советовала ей Юна, видя, как та тяжело вздыхает.

Но Сейла не думала об этом, она пыталась вспомнить то, что давно забыла. Вчера вечером опять ощутила его дыхание, а после он коснулся ее. Она уже перестала бояться этого видения, сперва было страшно, но сейчас даже ждала.

– Ты здесь? – тихо спросила она, но ответа не последовало,

лишь слабый ветерок у правого виска.

Сейла улыбнулась и, чуть приподняв подбородок, подставила губы для невидимого поцелуя. Как приятно, как нежно, так ласково, как будто это Конн. Она открыла глаза, резко выпрямилась и задумалась. Конн. Кто он? Что за имя? Сейла села в кресло и еще несколько раз произнесла это слово про себя.

В тот день он больше к ней не приходил, но это странное имя, что всплыло в голове, не давало ей покоя. Сейла то забывала его, будто стерли ластиком название, то опять с трудом вспомнив, ликовала.

– Ты не знаешь никого по имени Конн? – спросила она у Дрин, но та отрицательно помотала головой.

Сейла спросила у Юны, Светланы и даже у Лари, но никто не знал этого имени. Странно, думала она, и опять это теплое чувство, вроде и не воспоминание, но оно там, в груди, что-то не давало покоя.

Он пришел к ней ночью, почему-то знала, что придет сегодня. Сейла выключила свет, задернула плотно шторы, знала, что ничего не увидит, поэтому и нечего смотреть.

Почему рассвет наступил так рано. Она жалась к нему и знала, что это ее Конн. Что произошло ночью? Она старалась вспомнить, как чувствовала его руки, как вдруг все пропало, и уже лежала, а после сама тянулась в пустоту.

Мысли путались. Иногда Сейла пугалась себя, забывала имя, холодела, а после вдруг вспоминала Джека, собаку, что

им отдали на передержку, а после забрали. Сейла вспомнила, как он ее отчитал там в метро. Почему она забыла? Он ведь ее муж, где он сейчас?

Она боялась рассвета, боялась, что опять останется одна в пустой постели. Слабый луч протиснулся среди штор и лег розовым пятном на стену. Казалось, он был таким ярким, что резал глаза. Сейла зажмурилась, провела рукой по его груди, а после осторожно открыла глаза.

Ее Конни лежал рядом, он не спал, его взгляд был направлен на нее. Она улыбнулась, потянулась к нему и сама сладко поцеловала. Что это было? Почему они пропали друг для друга? Они долго лежали и тихо, боясь спугнуть свои видения, говорили.

Сейла была все такой же юной, как и пять лет назад, а он такой же веселый как в тот день, когда решил пригласить ее покататься на велосипедах. Теперь они видели друг друга, она стала слышать, что он говорит, вот только Конна не видели ее подружки, но это было уже не важно. Сейла вернулась к нему.

Он шел по обшарпанному подъезду, поднялся на скрипучем лифте. Опять этот сбой в его мозгу, опять он сходит с ума. Конни знал, что увидит дома его покосившийся диван и грязную постель. Но там Сейла, он быстро открывает дверь и...

– Здравствуй, милый. – Каким-то скрипучим голосом к нему обращается худая седоволосая женщина.

Конн замирает на месте и с ужасом смотрит на незнакомку.

– Кто вы? – похолодел от мысли.

– Милый, у нас гости.

– Сейла? – ему это удалось с трудом.

– Да, присаживайся, я сейчас налью вина.

Горгона отошла, взяла со стола графин, в котором уже как год не меняли воду, налила его в серый стакан и протянула ему.

– Спасибо, – еле выдавил он из себя.

– Здравствуйте, мы с ЦПУ.

Руки стали свинцовыми, Конн с трудом поставил стакан на журнальный столик, на котором были накарябаны неприличные слова.

– Вам надлежит пройти «осознания». Вы готовы?

Зачем они спрашивают, я готов на все, думал Конн, протягивая вперед руки, на которые тут же защелкнулись наручники. Он ушел, не проронив ни слова, даже не оглянувшись на это странную женщину. Неужели она его Сейла? Неужели он и правда сошел с ума?

Машина уехала, оставив молодую девушку совсем одну. Она села на мягкий диван, закуталась пледом и стала просто ждать возвращения своего мужа.

Тук-тук.

– Сейла, я немного задержался на работе, мне надо было... – Но Конн не успел договорить, как его тут же обняла очаровательная девушка.

Моя странная история

1 Осознание

Вообще-то моя история не такая уж и странная, такую историю может написать каждая девчонка в моем возрасте, если только захочет и не побоится. Итак, мне 14 лет, учусь в простой средней школе № 20 города (наверное, пропущу название, поймете почему). Через два года заканчиваю школу. Учусь на отлично, иногда чуть ниже, просто не понимаю кое-что в математике, не идет химия, а вот физика замечательно. Живу с родителями одна, скучно без брата или сестры. Мое имя – Женя, так можно звать и парня или девчонку, вот тут-то и загвоздка, но по порядку.

Родился я нормальным мальчиком, дрался с садика, наказывали, как же без этого. Солдатики, машинки, это нормально, игры в казаки-разбойники, все отлично, но... в третьем классе все изменилось. Я не был толстым, как мой лучший друг Витька, вместе делали уроки, по выходным мама разрешала уходить к нему с ночевкой. Я защищал его от всех, кто хотя бы посмел сказать или намекнуть, что он пышка, но он и вправду был пухленький как Винни-Пух. У него даже была пухлая грудь, я часто на нее смотрел, тыкал пальцем и

хихикал.

В пятом классе, к Новому году, у меня начали сильно болеть, то есть ныть соски, я пожаловался маме, она подумала, что я где-то ударился, врач ничего не сказал, но нудящая боль не проходила, а потом... А потом они начали набухать, стали странно толстыми и выпирать вперед, они меня сильно раздражал. Через какое-то время, отец заметил, что мой голос, что-то с ним стало не то. Витька перестал визжать, его он охрип, а мой наоборот. Когда никого не было дома, я рычал, громко говорил, думал, что это поможет, но только срывал голос.

Я был простым мальчиком, то есть пацаном. А потом как-то собрал все свои игрушки, роботов и, найдя на балконе коробку, спрятал их глубоко в шкафу. Они стали мне неинтересными, даже начали раздражать. Все это длилось до середины лета, пока ко мне в магазине не обратилась женщина, она сказала «девочка». Я не понял, может, она ошиблась, и переспросил ее. Тогда не придавал никакого значения, но с парнями уже перестал играть. Мой голос меня выдавал, чувствовал себя ущемленным, хотелось хрипеть, но вместо этого я звонко кричал. Физиологически я был простым мальчишкой, но что-то во мне было не так, и понимал это не только я, но и мои родители. К осени соски перестали ныть, но на их месте появилась грудь. Ужасно говорить, но это была настоящая грудь девчонки. Заходил в ванну и рассматривал ее, нажимал пальцем. Это были не мышцы, грудь была твердой,

она была не моей, я не мог поверить, что это у меня. Перед школой мама повела меня в поликлинику, а потом началось. Я не мог понять, что случилось, но они забегали. Нас посылали ко всяким врачам, анализы, в другие поликлиники, а потом... Мама ничего не сказала, она молчала, так же как и отец, но я понял, что-то не так со мной. Тогда они ничего мне не сказали, и я благодарен им за это.

Через несколько дней после завершения эпопеи с врачами мама принесла домой целую сумку вещей. Сказала, что знакомая с работы хотела их выбросить, ее дочь выросла, но они почти новые, поэтому мама взяла их чтобы постирать, привести в порядок и отдать нашей тете Лиде. У нее дочь моего возраста, Светка, я давно уже ее не видел, даже соскучился. Мама достала их, разложила на диване и начала рассматривать, где надо подшить, а где просто пуговицы поменять. Она попросила ей помочь. Я никогда не любил эту работу, гладить, да еще и возиться с иглой, но в этот раз я с интересом все делал. После стирки все сам перегладил. Смотрел на эти вещи, складки, порой нелепый цвет ткани, непонятные для меня сборки и завязочки, пальцы сами их перебирали. Когда все ушли и я остался один, стал примерять на себя столь необычную одежду. Зачем это сделал? Может, из любопытства, а может, что-то почувствовал, когда гладил одежду незнакомой девочки.

Я разделся, встал перед зеркалом. Необычное зрелище. Тело мальчишки, худые ноги, маленькие бедра, штаны все-

гда с меня спадывали. Живот как живот, а вот грудь, она не моя, она чужая, и если прикрыть низ тела, что я и сделал, то в зеркало на меня смотрела девчонка. Колючие глаза, грудь, лицо, да, лицо изменилось за это лето, оно стало так же чужим. И волосы, с ними тоже было что-то не то. И вообще, в зеркале был не я. Меня это не испугало, а наоборот, появилось любопытство и желание испытать что-то новое, а новое была эта одежда, для чего я в, прочем, и разделся.

Дискомфорта я не испытывал, когда надел плавки, ну и что из того, что девчачьи, мало чем они отличались от моих, разве что цвет да пару бантиков. Потеребив их, взял футболку и надел на себя, она как и моя, что ношу всегда. Снял и надел какую-то рубашку, нет, наверное, это была все же не рубашка, а кофточка. Рукава необычно короткие, попробовал натянуть, не получалось. Широкие манжеты, и плечи странные, торчали вверх. Увидев себя в зеркале, я хихикнул. «Ну ладно», – подумал и продолжил. Джинсы не вписывались в этот наряд, хотя и были привычными, но и они были для меня в новинку. Сидели низко, хотелось подтянуть повыше, они просто сползали. Сняв их, я посмотрел на диван. Джинсы были одни, оставались юбки и платья. Я начал с юбки, она пришлась в пору, в конце-то концов, в Шотландии мужчины ведь носят юбки. Я поправил ее рукой, чуть одернул, неудобно ходить, когда между ног дует. Прошелся по комнате, посмотрел в зеркало, черт подери, там был совершенно не я. Там была корявая девчонка, сгорбленная, суту-

лая, глаза горят огнем, и сильно сжатые губы. Я сам испугался себя. Отвернувшись от зеркала, все снял, бросил на диван, напялил свои джинсы и пошел на кухню. В душе было противно, еще противнее стало тогда, когда подошел к окну. И тут моя рука потянулась, чтобы прикрыть грудь. Заставил руки опуститься, но в душе было гадко, стыдно за себя, захотелось заплакать, по-настоящему, как в детстве заплакать. Стоял у окна и терпел, а слезы текли по щеке и капали на подоконник.

Наверное, я целую неделю не выходил на улицу, сидел дома, рылся в интернете. Мама собрала вещи, что я оставил на диване и, сложив аккуратно в сумку, поставила ее в шкаф. Она не сказала ни слова, но я видел ее глаза, они были грустными. Отец молчал, он всегда молчал. Но сейчас мне хотелось с ним поговорить, и когда мамы не было дома, я обнял его, уж не помню, когда так делал в последний раз, прижался и спросил.

— Папа, кто я? — я боялся ответа, уже несколько дней вертелся этот вопрос в голове.

Он обнял меня. Вообще папа у меня, можно сказать, сухой, редко улыбался, проявлял человеческие чувства. Я не мог себе даже представить, чтобы поговорить с ним по душам. Но сейчас я хотел именно этого, и не важно, что он скажет, мне не хватало его. Его руки легли мне на плечи, он молчал как всегда, но руки говорили сами за себя. Папа погладил мне голову, стало так тепло, ощутил их силу, спокой-

ствие, уверенность, и это все передалось мне. Я еще крепче прижался к нему.

– Ты мой сын, – спокойно ответил он.

В его голосе не было дрожи, он был ровный, даже мягкий. На моих глазах появились слезы, я не хотел, чтобы он видел и поэтому покрепче прижался.

– Ты мой сын, – повторил он. – Но природа не стоит на месте, и она ищет новые пути развития. Ты ведь слышал о Дарвине, об эволюции развития человечества.

Мы в школе проходили эту тему, я смотрел много фильмов про эволюцию. Природа постоянно экспериментирует, ищет новые пути, что-то остается миллионами лет неизменно, а что-то меняется постоянно. Я знал, что человечество произошло от обезьян, есть ученые, которые не согласны с этим утверждением, но на данный момент теория Дарвина остается основной теорией. Я кивнул.

– Кто такой человек? Откуда мы? Почему мы такие? Почему мы так устроены, а не иначе? – его ладони легли мне на плечи. – Я не знаю, да и вряд ли кто-то сможет это объяснить. Но я знаю одно, что человечество продолжает развиваться дальше, и не только социально, но и физически.

Он замолчал. Я почувствовал, как в его груди застучало сердце, гулко, как глухой барабан. Он молчал. Я знал, что он продолжит, и поэтому ждал.

– Ты мой сын, я люблю тебя, – пальцы на моих плечах чуть дрогнули. – Ты удивительный, и природа тебя одарила уди-

вительными качествами. Природа давно экспериментирует с человечеством. Помнишь, я читал статью про племя в Африке, у них на ногах всегда только два пальца.

Я кивнул, да, помню, еще удивился, как так можно ходить. Тогда отец показывал фотографии людей из этого племени, пальцы оказались такими толстыми.

– Есть люди, которые рождаются с сердцем не слева, а справа. Есть люди, у которых не две почки, а больше, не пять пальцев, а даже десять. Есть очень высокие люди, а есть очень низкие, есть черные, есть белые и желтые. Есть люди, которые рождаются слепыми, но легко живут среди нас, как будто они все видят. Есть люди, которые могут двигать предметы, или те, кто может предсказывать. Что это, по-твоему? – спросил он у меня. Я не знал, что ответить и только пожал плечами. – Кто-то скажет, что эти люди больные, и они будут правы, – при этих словах я напрягся. – Но это не так. Просто они не такие как все. Они выделяются среди большинства, – он замолчал, снова сердце заколотилось. – Природа мудрая, я склоняюсь перед ней. И вот кто ты? Ты это хочешь знать? – я молча кивнул. – Ты удивительный человек, не похож ни на меня, ни на маму. У тебя удивительные возможности, и эти возможности тебе дала природа.

– Какие? – швыркнув носом, спросил я.

– В тебе много генов мужских, моих, и много генов женских, маминых. Природа так поступила, что внесла изменения в тебя, ты родился мальчиком, но теперь она вносит кор-

рекцию, создавая из тебя девочку.

– Как? – теперь уже мое сердце заколотилось.

– Не знаю. Врачи говорят, что это отклонение, но они глупы, у них все отклонение. Кажется, что они сами отклонение. Природа наряду с мужскими гормонами внесла и женские, именно поэтому у тебя меняется голос и начала расти грудь, – на этих словах он остановился. Мне стало страшно, я что-то подобное подозревал, но услышать это от отца. Я просто испугался. – Ты человек, такой же, как я и как мама и как все на свете, но ты особенный.

– Мутант.

– Что?! – удивился отец. – Глупости. Нет, ты не такой как все, вот и все. Ты уникален, ты мой любимый сын, и я тебя очень люблю.

Эти слова я помню еще с детства. Тогда мама разошлась с папой, и я приходил к нему по выходным. Помню, как рыдал, когда он отводил меня обратно к маме. Мне казалось, что он меня бросает, что я остаюсь один. И тогда он крепко прижимал меня к себе и говорил, что очень любит меня, в ответ я рыдал и цеплялся за его шею. Я буквально впился в него, а он так сильно прижал меня к себе, что мне становилось трудно дышать. Не хотел, чтобы он меня отпускал, и он продолжал держать меня.

– Ты меня задушишь, – с трудом говорил я и только после этого он отпускал меня.

На моих глазах еще остались слезы, не хотелось показы-

вать их, ведь мальчишки не плачут. Через минуту я спросил:

– Значит, я стану девчонкой?

Опустив взгляд, положил голову ему на колени и закрыл глаза.

– Не совсем, – глубоко вздохнув, он продолжил. – Ты останешься мальчиком, как есть, но внешность твоя будет меняться. Ты это заметил, она меняется быстрее, чем мы ожидали. Вместе с внешностью, наверное, будет меняться и твой взгляд на девочек и мальчиков, на игры, увлечения и на одежду тоже, – тут он опять замолчал. – Внешне ты будешь похож на симпатичную, умную девочку с курносым носом и косичками...

– Ну нет, никаких косичек, – тут же вставил я, он усмехнулся.

– Ладно, подстрижём, – от этих слов мне стало легче. – Ты как бабочка перерождаешься...

– Пап, – вставил я, – гусеница перерождается, а бабочка из куколки вылупляется.

– Да-да, я это и говорил, – в его голосе услышал смех, я поднял голову, он улыбался.

– То есть ты хочешь сказать, что я?...

– Именно, – закончил он за меня. – Сейчас ты перерождаешься, твой организм перестраивается, природа поступает всегда мудро...

– Фу.

– Почему?

– Девчонки. Почему в девчонку? – возмутился я.

– А в кого? В трансформера? Или в русалочку?

«Еще лучше», – подумал я, понимая абсурдность моего возмущения.

– Ладно, девчонка так девчонка, – я сказал это легко, наверное, потому, что в душе понимал неизбежное или уже с этим согласился. А может, и то и другое. А может, мне и вправду хотелось этого самому, не знаю точно. Но в данный момент я и вправду согласился с тем, что стану девчонкой.

– Постой, – сказал отец.

– Что? – удивился я, как будто дело еще не решенное.

– Видишь ли, медицина тоже не стоит на месте, и профессор, к которому мы ходили, – я стал вспоминать, к кому мы ходили. Для меня профессор, это как доктор Айболит, в белой шапочке с усами и бородой, но такого я не припоминал.

– Это кто?

– Галина Степановна, – тут я вспомнил худую женщину в голубом костюме и огромными часами на руке. – Она сказала, что можно ставить специальные уколы для подавления женских гормонов, – я не выдержал и тут же спросил.

– И что, снова стану парнем? – внутри меня все закипело.

– Не знаю, и она не знает, но попробовать, по-моему, стоит. Как ты на это смотришь?

Как я смотрю? Да, здорово было бы все забыть, что со мной было. Но тут же я вспомнил, что сказал отец: «природа поступает всегда мудро». А может, так и надо, или пусть

лучше она с кем-то другим экспериментирует, не со мной. Хотелось все вернуть, просто забыть, выйти на улицу и пнуть мяч так, чтобы у тебя грудь не подпрыгнула в ответ.

– А это можно? – скрывая радость, спросил я.

Он развел ладонями и покачал головой. Я встал и пошел вдоль комнаты, август, жара, окно было открыто. Я выглянул на улицу, во дворе почти никого не было, мамыши с колясками сгрудились под деревом. Две девчонки гоняли на велосипеде, одна из них на повороте упала, я ее не знал, не видел раньше. А потом они укатились за дом и больше не появлялись.

Я стоял и смотрел. На душе было легко, огромный груз свалился с меня. Захотелось на улицу. Теперь знал, кто я, что меня ждет. И теперь ощущал, как у меня за спиной расправляются крылья. Мне захотелось летать, по-настоящему полететь. Поднять голову к небу, развести руки, оттолкнуться от земли, и полететь за облака.

«Может, так и надо?», – спросил себя и засмеялся.

2 Превращение

Уже через две недели мы всей семьей летели в Москву, в Тюмени врачи не могли принять окончательное решение, они не знали, что со мной делать. Папа был категорически против изменения моего пола, мама же думала, что так будет лучше. А сам я решил во что бы то ни стало вернуться к жизни мальчишки. И когда мимо меня проходила девчонка, было желание ее обозвать, либо просто пнуть. Внутри меня был протест, почему я?

В больнице, куда мы приехали, ничего не изменилось, но я понял одно, что я не один такой, нас достаточно много. Оказывается, не только мальчики перерождались в девочек, но и наоборот. Что там происходило с девчонками, я точно не знаю, но проходя по коридорам, я не мог с уверенностью сказать, кого вижу, парня или девчонку.

Дни тянулись медленно, опять анализы, осмотры, тесты. В основном со мной работали психологи. Посмотри вот это, а теперь это, как тебе вот этот цвет, а вкус, а как ты относишься к этому? В общем, я не понимал зачем, но старательно выполнял все их требования.

Мы жили в гостинице недалеко от больницы. По вечерам было тошно, хотелось куда-то убежать. Я с нетерпением ждал следующего дня в надежде, что все скоро утрясется,

меня либо прооперируют, либо поставят укол и все будет как раньше. Или... Вот «или» я даже думать не хотел.

Сегодня в обед был консилиум, такое громкое слово. Сперва пригласили родителей, они там почти час сидели. О чем так долго можно говорить? Я даже не представляю, а потом вызвали меня. Мама с папой вышли, я остался один на один с кучей докторов, кого-то я уже знал. Здесь были мои психологи, еще хирург, который меня осматривал, и три человека, которых я раньше не видел. Я сидел перед ними и отвечал на одни и те же вопросы, а они все спрашивали и спрашивали, как будто я что-то от них скрывал. От напряжения у меня даже заболела спина. Что они хотят? Ведь я-то уже все решил, но они, похоже, что нет. Потом еще раз вызвали маму с отцом и сообщили, что дают мне два дня, чтобы я сам окончательно принял решение. Я тут же сказал, что готов, но они не стали меня слушать. Мне объяснили, несмотря на то, что я стремлюсь вернуться в тело мальчика, по всем тестам наоборот ухожу в сторону развития девочки. Я слушал и не понимал, как это так, не может быть? И тут я не выдержал и разрыдался. По-настоящему разрыдался, взахлеб, так я не плакал, когда меня в первом классе побили на улице и отобрали велосипед. Но сейчас я рыдал, и даже когда кончились слезы и силы, я не испытал облегчения, а только горечь и злость на родителей, что не заступились за меня.

На следующий день мы сходили в кино, прошлись по городу. Мама тянула нас на Красную площадь, а я думал, что

там такого, что все только туда и стремятся. Мы все же съездили и посмотрели эту площадь, и вовсе она не красная. На второй день ожидания я думал только об одном: скорей бы вечер, а там утро и все будет кончено. У мамы разболелись ноги, и мы с отцом пошли в ближайший супермаркет, чтобы поискать там книжный магазин, он давно обещал мне купить «Властелин колец».

Супермаркеты, они везде одинаковые, магазины, кафешки, кинотеатры, развлекательные центры. И опять магазины, магазины. Мы ходили с ним, пожалуй, бесцельно, просто так, чтобы убить время. Книжка была у меня под мышкой, толстая, почти две тысячи страниц. Горел желанием открыть ее и начать читать, но сейчас я просто смотрел по сторонам. Было так много интересного, глаза разбегались, но я делал вид, что меня это не интересует.

Отец отошел, ему всегда нравилась классическая обувь, сделанная из чистой кожи. Я знаю, что некоторые ботинки у него уже более десяти лет, и он не намерен их выбрасывать, я его не понимаю. Проходил вдоль витрин, не хотелось никуда заходить. Манекены так красиво одеты, как на обложках дорогих журналов. Раньше не обращал на это внимание, а сейчас с удовольствием рассматривал их. Чувствовал ткань, узор, форму, получал удовольствие от того, что могу вот так посмотреть и все.

Летняя коллекция. Лето уже кончалось, но на фоне яркой листвы стоял манекен в кремовом сарафане. Тонкие бре-

тельки, большие голубые и желтые полевые цветы. Снизу сарафан был окантован широкой красной лентой из полевых цветов, а посередине небрежно повязан белым поясом. Я никогда не думал, что одежда может быть красивой, просто не придавал этому значение. Но этот сарафан так по-летнему выглядел, он просто парил, как будто манекена не было. Я усмехнулся.

– Красивый.

Отец так незаметно подошел, что я даже чуточку рассердился, тут же отвернулся и пошел.

– Стой, ты куда?

Я вернулся к нему, пожал плечами, мол, не знаю, но сам тут же снова посмотрел на сарафан за стеклом.

– Мне нравится, – сказал отец.

– Ну, – промямлил я. – Ниче. Пойдет, – хотя сам-то знал, что он красивый.

– Померишь? – спокойно спросил отец у меня.

Я усмехнулся.

– Смеешься?

– Нет.

Я знал его настрой относительно моего пола. Знал, что он против того, чтобы я превращался в девчонку, просто против и все, впрочем, так же, как и мама. Но в данный момент я не подумал об этом. В груди защекотало, я посмотрел на сарафан, он просто дразнил меня. Женскую одежду я втихушку мерил только один раз, когда мама оставила на дива-

не одежду девочки, которую надо было отдать. Я прекрасно помнил свой колючий взгляд, сутулость. И вообще, выглядел как гадкий утенок, поэтому не намерен еще раз это пробовать.

– Терять нечего, за пример денег не берут, – снова сказал отец. – Посмотри на себя.

Я присмотрелся в свое отражение. Витрина прекрасно отражала, манекен в сарафане стоял передо мной, и поэтому казалось, что это я в сарафане. Выглядел я ничего, не так страшно, как в прошлый раз.

– Пойдем? – сказал отец.

– Нет, я же...

– А кто знает, кто ты? – и посмотрел мне в глаза. – Ну как?

– Ладно, – согласился и с опаской вошел в отдел.

Проходя между рядами, увидел зеркало. В отражении на меня смотрел не мальчишка, это был уже не я, а девчонка. Чуть хитрые глазки, округлости на груди и руки, теперь что-то было и с ними не то.

Я зашел в примерочную, продавщица щебетала, принесла два размера, еще раз посмотрел на себя в зеркало. Отец стоял за спиной, лицо серьезное, как будто я меряю платья каждый день, и ему это уже надоело.

– Пап, – многозначительно сказал я.

– Ах да, – спохватился он и стал задегивать за мной шторку, оставляя меня одного с зеркалом.

Девушка, что обслуживала нас, даже глазом не моргнула.

«Неужели я так сильно изменился?», – подумал я, держа в руках тот самый сарафан. Мягкая ткань, совсем не такая как у рубашки, она даже чуточку просвечивала. Я снял рубашку и стал рассматривать сарафан, с какой стороны его надевать. Вот бирка, значит, спина. Подняв руки вверх, я стал втискиваться в него. Неудобно, тесно, «вот черт», – подумал я. А джинсы? Ага, про них я забыл. Наполовину втиснувшись в сарафан, я стал стягивать с себя джинсы. Что за умора. С трудом стащив их с себя, я стал дальше напяливать сарафан. Наконец справившись с задачей, я боялся посмотреть на себя в зеркало. Поправил складки. Необычно, голые плечи, не чувствовал на себе одежды, совсем не чувствовал. Сарафан был легким, и мне казалось, что я стою голым, прикрытый какой-то марлей. И все же надо посмотреть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.